
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК: 338.24.01
JEL: F52, P16

**Логико-гносеологический анализ влияния
политэкономических отношений на
цивилизационную безопасность**

Б.В. Салихов, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; SPIN-код (РИНЦ): 3045-0730
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

И.С. Салихова, д.э.н., профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; SPIN-код (РИНЦ): 3009-8750
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Для цитирования

Салихов Б.В., Салихова И.С. Логико-гносеологический анализ влияния политэкономических отношений на цивилизационную безопасность // Проблемы рыночной экономики. – 2022. – № 4. – С. 71-86.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-4-71-86>

Аннотация

В статье предложен общий подход к проблеме обеспечения цивилизационной безопасности как функции политэкономических отношений. Исследовательская логика познания взаимосвязи политэкономических отношений и цивилизационной безопасности основывается на аналитическом потенциале таких парных категорий диалектики, как содержание и форма, причина и следствие, возможность и действительность, общее и особенное. Конкретизация трактовок ключевых понятий осуществляется в рамках статистико-семасиологического метода исследования. **Научная новизна** полученных результатов заключается в трактовке сущности цивилизационной безопасности и характеристике трех ее типов, а также в разработке общих показателей ее оценки. Проанализированы политэкономические отношения как источник инклюзивных, эксклюзивных и экстрактивных социокультурных инноваций. Обоснована критическая роль государства в обеспечении динамической взаимосвязи социокультурных традиций и одноименных инноваций в укреплении цивилизационной безопасности страны. Предложено рассматривать единство уровня и качества жизни домохозяйств как системный аттрактор, определяющий степень эффективности взаимосвязи политэкономических отношений и цивилизационной безопасности. Охарактеризована возможность «ренессанса» теории общественного выбора и, в ее рамках, «сдвига парадигмы» в сторону методологического социоиндивидуализма. **Научно-практическое значение** полученных результатов заключается в формировании нового дискурсивного пространства с предметным «полем» усложняющейся взаимосвязи ценностно-смысловых и социально-экономических форм человеческой деятельности. Положения и выводы исследования могут быть использованы соответствующими структурами государственного управления при разработке политэкономической модели, релевантной императивам преодоления в нашей стране цивилизационного кризиса и обеспечения одноименной безопасности как необходимых условий успешной интеграции отечественной экономики в новый мирохозяйственный уклад.

Ключевые слова: *цивилизационная идентичность, цивилизационная безопасность, неолиберализм, социокультурные инновации, политэкономические отношения, общественный сектор экономики, теория общественного выбора, методологический социоиндивидуализм.*

Logical and epistemological analysis of the impact of political economic relations on the civilizational security

Boris V. Salikhov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>; *SPIN-code (RSCI): 3045-0730*

e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Irina S. Salikhova, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5950-7058>; *SPIN-code (RSCI): 3009-8750*

e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

For citation

Salikhov B.V., Salikhova I.S. Logical and epistemological analysis of the impact of political economic relations on the civilizational security // *Market economy problems* – 2022. – No. 4. – Pp. 71-86 (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-4-71-86>

Abstract

The article offers a general approach to the problem of ensuring civilizational security as a function of political economic relations. The research logic of cognition of the interrelation of political economic relations and civilizational security is based on the analytical potential of such paired categories of dialectics as content and form, cause and effect, possibility and reality, general and special. The specification of interpretations of key concepts is carried out within the framework of the statistical-semasiological method of the study. **The scientific novelty** of the obtained results lies in the interpretation of the essence of civilizational security and the characteristics of its three types, as well as in the development of general indicators for its assessing. Political economic relations as a source of inclusive, exclusive and extractive socio-cultural innovations are analyzed. The critical role of the state in ensuring the dynamic interrelation of socio-cultural traditions and innovations of the same name in strengthening the civilizational security of the country is substantiated. It is proposed to consider the unity of the level and quality of life of households as a system attractor that determines the degree of effectiveness of the relationship between political economic relations and civilizational security. The possibility of a «renaissance» of the theory of public choice and, within its framework, a «paradigm shift» towards methodological socioindividualism is characterized. **The scientific and practical significance** of the obtained results lies in the formation of a new discursive space with a subject «field» of the increasingly complex interrelation of value-semantic and socio-economic forms of human activity. The provisions and conclusions of the study can be used by the relevant public administration structures in developing a political economic model relevant to the imperatives of overcoming the civilizational crisis in our country and ensuring the security of the same name as necessary conditions for the successful integration of the domestic economy into the new world economic order.

Keywords: *civilizational identity, civilizational security, neoliberalism, socio-cultural traditions and socio-cultural innovations, political economic relations, public sector of the economy, theory of public choice, methodological socioindividualism.*

Введение: конструктивный замысел исследования

Начавшаяся в последней трети прошлого столетия неолиберальная реверсивная инволюция, как известно, не стала основанием нового политэкономического концепта, способного обеспечить устойчивое развитие стран и регионов мира (Бузгалин, 2018; Валлерстайн, 2020; Цветков, 2020, 2021; Цветков и Дудин, 2020). Несмотря на определенный конструктивный потенциал неолиберализма (более активное участие государства в экономике, по сравнению с классическим либерализмом; реальные гарантии экономических свобод личности и защита прав собственности; высокий уровень жизни домохозяйств и др.), претензия монетарно-либеральной хозяйственной модели на «конец истории» обернулась стагнацией экономики даже в странах с развитым рыночным хозяйством, а также существенным замедлением глобализации «по-американски» при одновременном становлении многополярного мира с новыми геополитическими центрами силы. Очевидно, что углубляющийся кризис неолиберальной политэкономической парадигмы требует существенной перестройки национальных ценностно-смысловых и институциональных систем, что актуализируется вступлением стран в шестой технологический уклад, который характеризуется масштабным применением цифровых, а также нано- и биотехнологий, требующих релевантных социокультурных и политэкономических инноваций, в том числе и «инноваций-ограничителей» (Глазьев, 2022; Гофман и др., 2008; Дудин, Шкодинский и Усманов, 2021).

При этом массивный импорт в нашу страну ценностей и идей неолиберального политэкономического концепта, основанного на гипертрофии системы частной собственности с «невидимой рукой» конкурентного рынка, воинствующем индивидуализме, а также на тотальной финансиализации экономических и общественных отношений, привел не только к ускоренной архаизации экономики и деградации человеческого капитала (Гимпельсон, 2016), но и к фрагментации геокультурного «кода» общества, основанием которого были такие традиционные социокультурные ценности, как гуманизм и милосердие, державность и народное единство, творчество и созидательность, честный труд, справедливость и доверие (Бахтигареева и Ставинская, 2020; Данилевский, 2008; Ильин, 2004). Неолиберальная политическая экономия с ее всеохватывающим рационализмом и квазилиберализмом, характеризуемым «диктатурой единомыслия», а также *свободой* вне органического единства с релевантным уровнем *необходимости*, без чего истинный либерализм попросту невозможен (Соловьев, 1999), привела к провалу не только рынка и государства, но и к деструкции самой цивилизации, что и актуализирует необходимость обеспечения безопасности социокультурной целостности российского социума от антиценностей квазилиберализма. Российские политэкономические отношения и цивилизация в целом оказались в ментально-смысловой «ловушке неолиберализма», поскольку государство по-прежнему придерживается курса на неолиберальную трансформацию общества и экономики. В связи с этим исследователи справедливо отмечают, что в современных условиях «лечить» надо не только экономику, но и российскую цивилизацию в целом (Данилов-Данильян, 2009).

Так как угроза цивилизационной безопасности непосредственно связана с имплантацией на отечественный социокультурный «грунт» идей и институтов политической экономии «цивилизации рационализма» (Шумпетер, 2007), то *импортзамещение неолиберальной политической экономии*, а также выход из названной и других «ловушек» (бедности, рентоориентированного поведения, социально-экономического неравенства, консьюмеризма и др.) предполагает создание инновационной политэкономической модели, релевантной не только императивам шестого технологического уклада и нового мирохозяйственного порядка (Глазьев, 2022), но и способной непрерывно генерировать соответствующие социокультурные инновации. В связи с этим и прежде всего необходима конкретизация далеко не всегда очевидных форм противоречивого влияния политэкономических отношений на цивилизацию как социокультурную качественную целостность, что изначально требует уточнения трактовки ее сущности, а также определения феномена цивилизационной безопасности, причем в формате единства качественного и количественного анализа. При этом предлагаемый *логико-гносеологический анализ* заключается одновременно в поиске понятийных методологических «первокирпичиков», которые выстраивают общее понимание проблемы, а также в исследовании механизма (форм, способов, инструментов и др.) влияния политэкономических отношений на цивилизационную безопасность страны. Здесь критически важным

представляется анализ политэкономических отношений как *источника генерации социокультурных инноваций*, единство которых с социокультурными традициями есть не только качественная целостность цивилизации, но и основание ее безопасности.

Следовательно, *цель статьи* заключается в выявлении алгоритма влияния политэкономических отношений как специфического «генератора» социокультурных ценностей на цивилизационную безопасность. При этом *гипотезой исследования* резонно считать предположение о том, что политэкономическое импортозамещение, основанное либо на «перезагрузке» неолиберальных ценностей при возможном «сдвиге парадигмы» в рамках действующего концепта, либо на создании новой методологической дисциплинарной матрицы политической экономии, может претендовать на статус критически значимого фактора обеспечения данной безопасности. Достижение цели и доказательство гипотезы предполагают решение следующих *задач*: конкретизировать трактовку сущности понятий (цивилизация, цивилизационная безопасность, политэкономическая модель и др.); осуществить качественный и количественный анализ цивилизационной безопасности как системного и динамичного феномена; охарактеризовать механизм генерации социокультурных инноваций в рамках политэкономических отношений и показать их влияние на цивилизационную безопасность; выявить ключевые проблемы научно-практического дискурса в рамках предполагаемой разработки политэкономической модели, релевантной требованиям обеспечения цивилизационной безопасности России в условиях обострения геополитических и геокультурных противоречий.

Методологический контур: качественная целостность цивилизационной безопасности

Используя метод статистико-семасиологического анализа, позволяющего выделить ключевые атрибуты понятий, содержащиеся в работах исследователей прошлого и настоящего, цивилизацию можно определить как «совокупность признаков общественного и политического уклада и духовного развития, отличающих высокую степень развития человеческого общества» (Брокгауз и Ефрон, 2005, с. 624), а также как всякий культурно-исторический тип социума, достигший «полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, ... составляют ... политическую систему государства» (Данилевский, 2008, с. 116). Цивилизацию также считают «элементом интеллектуальной и политической стратегии, направленной на постижение окружающего мира и на контакт с ним» (Велижев, 2019, с. 152), характеризуют как «выражение такого периода в истории общества, который следует за варварством и который связан с существованием товарного производства и социально-классовых отношений» (Алексеев, Васильев и др., 2007, с. 437). Заслуживает внимания непосредственная связь качества цивилизации с господствующей в обществе системой неолиберальных производственных отношений, что является основанием для ее характеристики как «рационалистической и «антигероической»» (Шумпетер, 2007, с. 508) и др. Исходя из приведенных и ряда других определений, цивилизацию можно интегрально трактовать как мир, созданный культурой и, далее, как «*наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности*» (Хантингтон, 2020, с. 52). Онтологическая «сцепка» культурной общности и одноименной идентичности представляется критически значимым аспектом в понимании цивилизации, а также связанных с ней других понятий, в том числе характеризующих систему политэкономических отношений.

Известно, что *цивилизационная идентичность* есть отождествление субъектов (личности и социума) самих себя с социокультурными ценностями данной цивилизации, то есть с соответствующими жизненно значимыми смыслами, идеями, нормами и институтами. Здесь существует положительная каузальная взаимосвязь: цивилизация как интегратор *социокультурных традиций* (культурных норм, уже доказавших свою жизненную значимость) осуществляет ценностно-смысловую защиту субъектов, которые, в свою очередь, соиздательно «подпитывают» данную цивилизацию энергией востребованных *социокультурных инноваций* (культурных норм, заключающих в себе потенциал жизненной значимости для личности и социума и воссоздаваемых в процессе обмена деятельностью).

Очевидно, что соотношение социокультурных традиций и одноименных инноваций может иметь разнообразный цивилизационный дизайн (Асланов, 2009; Аузан, Бахтигараева, Брызгалин, Золотов, Никишина, Припузова и Ставинская, 2020). Если традиционные ценности более не обеспечивают субъектам ценностно-смысловую защиту, а генерируемые ими социокультурные инновации не обновляют культурную «почву», то люди перестают

идентифицировать себя с данной цивилизацией, что и представляет критическую угрозу для ее безопасности (Данилевский, 2008). Именно отсюда проистекают такие социальные феномены, как массовая эмиграция, общенациональный и региональный пессимизм, обострение социально-политических и иных противоречий и др., что всегда негативно сказывается на уровне и качестве жизни людей. В деструкции отмеченной идентичности заключается *первый тип цивилизационной опасности*. Следовательно, цивилизация находится в безопасности, если она защищена от угрозы разрушения цивилизационной идентичности, и в данном случае показателем уровня цивилизационной безопасности может стать *коэффициент (индекс) цивилизационной идентичности (КЦИ)*, который может исчисляться от нуля до единицы, характеризуя напрямую не только уровень отождествления субъектов с данной цивилизацией, но также, хотя и косвенно, состояние их мотивации к творчески-трудовой деятельности. При этом повышение коэффициента цивилизационной идентичности субъектов, например, от 0,5 до 0,7 (условно говоря, субъекты раньше наполовину отождествляли себя с данной цивилизацией, а теперь на 70 процентов и не стремятся мигрировать в «пространство» других социокультурных ценностей) означает усиление цивилизационной безопасности в результате роста *идентификационной интенсивности* данных субъектов. Разность соответствующих позиций, равная 0,2 ед. (0,7 – 0,5) может характеризоваться как *цивилизационный акселератор*, положительная динамика которого свидетельствует не только об укреплении цивилизационной идентичности и одноименной безопасности, но также о росте *мотивационного капитала субъектов*, именно в этом и заключается суть названной акселерации. Очевидно, что предложенные показатели цивилизационной идентичности, характеризующие уровень одноименной безопасности, требуют дальнейшей разработки, поскольку в рамках общего исследования едва ли могут претендовать на целостную качественную количественность.

Тем более что в долгосрочной перспективе угроза цивилизационной безопасности может наступить и в условиях сохраняющейся цивилизационной идентичности, но при одновременной деструкции и социокультурных традиций, и самого социума как источника социокультурных инноваций. В данном случае, разрушающаяся качественная целостность социума, например, пораженного «вирусом» консьюмеризма либо поиска «плохой» ренты и др. и, следовательно, генерирующего инновации ухудшающегося качества (на определенном этапе они могут превратиться в антиинновации или «суррогаты» инноваций), вполне может сохранять свою идентичность по отношению к разрушающейся качественной целостности социокультурных традиций, составляющих геокультурный «код» цивилизации. Динамическое равновесие перманентно деградирующих социокультурных традиций и одноименных инноваций (антиинноваций) при одновременном общем ухудшающемся отборе ценностей и смыслов, но в рамках сохраняющейся цивилизационной идентичности является далеко не всегда очевидной, а потому и очень коварной и чрезвычайно опасной угрозой для любой цивилизации именно в силу своего скрытого и «ползучего» характера.

Именно по такой логике происходит угасание современной западной цивилизации, давно достигшей «пика» своего социокультурного развития (Хантингтон, 2020). Такой же сценарий угрожает и нашей стране (далее будет показано, что ситуация обстоит более драматично), где упрямо продолжается имплантация на отечественный «грунт» неолиберальных антиценностей при мифической вере реформаторов в высокую эффективность экономики «невидимой руки». Здесь уместно напомнить слова И. Шумпетера о том, что «эффективность капитализма вообще не играет роли, если речь идет о прогнозировании будущего капиталистической цивилизации. Ведь большинство цивилизаций исчезли, так и не успев полностью реализовать свой потенциал. И я не собираюсь, ссылаясь на эту эффективность, утверждать, что капиталистическое интермеццо, скорее всего, будет иметь продолжение» (Шумпетер, 2007, с. 510). Таким образом, в одновременной деструкции и социума, генерирующего инновации ухудшающегося качества, и социокультурных традиций, подвергающихся «разъеданию» со стороны данных инноваций (напомним, что эти инновации все больше принимают форму антиинноваций), но при сохраняющейся цивилизационной идентичности *заключается второй тип цивилизационной опасности*. В данном случае постепенная деструкция и даже гибель цивилизации происходят незаметно для личности и социума, которые существуют в условиях относительно высокого уровня жизни как функции экономического детерминизма, но при быстром падении ее качества как функции усиливающейся безнравственности хозяйственной действительности.

Одновременное действие первого и второго типа формирует *третий тип цивилизационной опасности*, когда общая социокультурная деструкция личности и социума (второй тип) дополняется разрушением их цивилизационной идентичности (первый тип). Этот тип цивилизационной опасности характерен периоду не просто начала, а ускоренного распада и гибели цивилизации, и ни один социум не застрахован от такого финала (Данилевский, 2008; Хантингтон, 2020). Очевидно, что для обеспечения цивилизационной безопасности необходима противоположная направленность динамического взаимодействия традиций и инноваций, характеризующих цивилизационную социокультурную целостность. Таким образом, *цивилизационную безопасность можно определить как специфическое общественное благо, характеризующее состояние защищенности цивилизационной идентичности личности и социума в условиях стабильного уровня или прогрессивной направленности динамического взаимодействия социокультурных традиций и одноименных инноваций, обеспечивающих, соответственно, неизменное качество либо улучшающийся отбор ценностей и смыслов человеческой жизни и деятельности*. При стабильном уровне динамического взаимодействия социокультурных традиций и социокультурных инноваций цивилизационная идентичность остается неизменной, но на уровне, обеспечивающем некое исходное состояние цивилизационной безопасности. Если же обеспечивается прогрессивная направленность динамического взаимодействия отмеченных социокультурных ценностей, то укрепляется одновременно и цивилизационная идентичность, и одноименная безопасность.

Общим критерием состояния и динамики цивилизационной безопасности с политэкономической точки зрения может быть определенный набор *параметров и показателей уровня и качества жизни домохозяйств*, среди которых интегральным вполне может быть *индекс счастья* (Антипина и Кривицкая, 2022), а также перечень других переменных, причем все менее связанных с метафизическими представлениями о «незыблемой» значимости такого показателя, как ВВП (Шваб, 2022). Для системной оценки уровня цивилизационной безопасности страны индекс счастья (в перспективе не исключается, а предполагается единство данного индекса с другими показателями, характеризующими качество жизни) и коэффициент цивилизационной идентичности следует применять одновременно. Положительная и прогрессивная динамика этих показателей будет свидетельствовать об укреплении цивилизационной безопасности, и наоборот. Резонно полагать, что система политэкономических отношений, действующая в рамках определенного общества, лишь в том случае будет соответствовать требованиям цивилизационной безопасности, если обеспечит прогрессивную динамику уровня и качества жизни домохозяйств. Очевидно, что собственники человеческого капитала, получающие удовлетворение от своей творчески-трудовой деятельности (здесь «работает», в том числе, индекс счастья), становятся естественными инициаторами создания и внедрения в хозяйственную и общественную жизнь релевантных и действительно инновационных социокультурных норм, правил, установок и т.д., которые в перспективе могут обрести ценностно-смысловой статус новых социокультурных традиций.

В свете вышеизложенного, в нашей стране обнаруживается третий тип цивилизационной опасности, поскольку продолжающийся *неолиберальный ценностно-смысловой импорт* привел к формированию политэкономических отношений, разрушающих геокультурный «код» общества путем расширенного воссоздания социокультурных и экономических симулякров (Данилов-Данильян, 2009). Достаточно, к примеру, отметить негативный социокультурный «след» потребительства по принципу «все и сразу», а также все более усиливающиеся отрицательные последствия тотальной финансовализации не только экономических, но и всей системы социальных отношений. Однако названный импорт неолиберальных идей и институтов, вызвавший расширенное воссоздание социокультурных симулякров, в том числе и в недрах политэкономических отношений, отнюдь не был навязан извне, а был и остается непосредственно обусловлен продолжающимся *кризисом российской цивилизации*, что имеет свое внешнее проявление в форме *цивилизационного раскола*, характеризующегося длительным делением социума на прозападную его часть (западников) и приверженцев российской социокультурной специфики (славянофилов) (Данилевский, 2008; Хантингтон, 2020).

При этом сущность или качественная определенность каузальности российского цивилизационного кризиса заключается отнюдь не в «предательстве либералов» или каком-либо «злом умысле», а в воссоздаваемой у определенной части российского социума *исторически сформированной ментальной модели* о «естественности» технологического и социокультурного «превосходства» Запада, который нам «поможет» в преодолении

«отсталости». Отсюда следует, что глубинной причиной отечественного цивилизационного кризиса является действительное и длительное, хотя и весьма относительное (в советский период технологический разрыв в ряде отраслей хозяйства был значительно сокращен и даже преодолен) технологическое (но отнюдь не социокультурное) превосходство западного общества. Отмеченное технологическое отставание отнюдь не характеризует нашу неспособность к технологическим инновациям, а лишь свидетельствует о разновременности достижения «пика» цивилизационного развития исследуемых социумов: для Запада этот «пик» уже позади, а у России он еще, возможно, впереди (Данилевский, 2008). Вот почему нам необходима сегодня «модернизация без вестернизации» вместо упрямо проводимой «вестернизации без модернизации», то есть без должного научного обоснования проводимых реформ, что привело к опасности потери социумом своей цивилизационной идентичности и, следовательно, одноименной безопасности. Понимание же сущности и причины цивилизационного кризиса необходимо для системного исследования проблем, связанных с цивилизационной безопасностью России, хотя содержание и последствия неолиберального ценностно-смыслового импорта, а также негативное влияние раскола российской цивилизации на ее безопасность являются предметом отдельного исследования. Ближайшая задача данного логико-гносеологического анализа заключается в выявлении общего механизма влияния политэкономических отношений на цивилизационную безопасность, что позволит «пролить свет» на современные политэкономические аспекты обеспечения цивилизационной безопасности, в том числе нашей страны.

Взаимосвязь цивилизационной безопасности и политэкономической модели развития страны

Генезис социокультурных ценностей всегда основан на обмене-общении и обмене деятельностью различных субъектов (Ведин, 2006), в том числе и в хозяйственной действительности. Часть этих ценностей, доказавших свой созидательный потенциал и, следовательно, принятых социумом, обретает статус социокультурной инновации и далее кристаллизуется в социокультурные традиции, качественная целостность которых и составляет основание цивилизации. Таким образом, сфера общения и обмена деятельностью, где воссоздаются социокультурные инновации (например, политэкономические отношения) и собственно цивилизация, где эти инновации «оседают» в качестве социокультурных традиций, соотносятся как *содержание и форма*, заключая в себе огромный научно-практический потенциал их диалектического единства (Гегель, 1971). В связи с этим резонно полагать, что деградация политэкономической модели (содержания), призванной генерировать социокультурные инновации, закономерно вызывает деструкцию цивилизации (формы), где данные инновации призваны дополнять и/или модифицировать действующие традиции. При этом деструкция цивилизации одновременно есть разрушение ее безопасности. И наоборот, формирование инновационной, созидательно направленной политэкономической модели, в рамках которой генерируются релевантные социокультурные инновации, закономерно обеспечит качественное обновление цивилизации (при одновременном укреплении ее безопасности) посредством постоянной ее «подпитки» обновляющимися социокультурными традициями.

Общий анализ влияния политэкономических отношений на обеспечение цивилизационной безопасности страны предполагает уточнение явления «социокультурного», которое в своем генезисе, в том числе и в экономике, всегда включает три важнейших элемента (Сорокин, 2008): а) два и более субъекта деятельности; б) какая-либо норма, правило или институт, предположительно имеющие значение для данных субъектов; в) собственно взаимодействие субъектов в рамках некоего смысла, признанного всеми участниками. *Если результаты такого взаимодействия являются полезными для всех либо большинства участников, то релевантный «набор» средств, правил, институтов и т.д. принимает форму социокультурной ценности* (в противоположной ситуации возникает антиценность, которая далее не принимается социумом). Подчеркнем, источником любых социокультурных ценностей являются осмысленные человеческие взаимодействия, в том числе в экономической сфере деятельности. При этом названные ценности принимают форму *социокультурных инноваций*, если обеспечивают некий прогрессивный результат в форме, например, возможности высокоэффективной самореализации собственников человеческого капитала, возникновения и позиционирования новой формы обмена-общения и др. Если постоянно

повторяющийся практический опыт получения такого результата становится достоянием социума, то с течением времени данная социокультурная инновация может принять форму *социокультурной традиции* (Гофман и др., 2008).

Очевидно, что *политэкономическая модель как единство определенных, логически связанных и составляющих воспроизводственную целостность элементов* (данная целостность включает: ценностно-идеологический и методологический базис модели; качество человеческого капитала, системы собственности, гражданского общества и государства; уровень и созидательный потенциал «правил о правилах» и «правил игры»; состояние общественного сектора экономики и его взаимодействие с частным хозяйством; целевую социально-экономическую функцию модели и др.) (Смит, 2007) является «генератором» социокультурных ценностей, причем на всех уровнях политэкономических отношений, начиная с первичного хозяйственного звена, где исследователи уже давно выделяют ментальную, культурную, социальную и другие подсистемы (Макаров и Клейнер, 2007). Именно на предприятиях осуществляется множество видов обмена-общения и обмена деятельностью, в рамках которых воссоздаются *инклюзивные социокультурные инновации «снизу»* (Клейнер, 2022). Качество и интенсивность их производства напрямую определяется мотивацией индивидов, что в существенной степени зависит от уровня развития и защиты системы личной и частной собственности. И только в этом случае *личность, внутрикорпоративные группы и корпорация в целом* становятся критически значимым «центром тяжести» в создании социокультурных ценностей. Необходимо всегда помнить, что «лишь в собственности лицо выступает как разум» (Гегель, 1990, с. 101). При этом часть инклюзивных социокультурных инноваций, доказавших свою высокую эффективность, могут выйти из разряда «клубных благ» и стать достоянием кластера, отрасли, региона и национальной экономики в целом. Примерами могут служить такие социокультурные ценности, как непрерывное корпоративное самообучение и превращение предприятия в самообучающуюся организацию, идея наставничества как высокоэффективный способ воспроизводства неявного знания (Полани, 2013) и др.

Исходя из того, что политическая экономия состоит из органического единства *политологии и экономической теории*, как «двух блудных отпрысков политической экономии» (Бьюкенен, 1997, с. 33), в «недрах» политэкономических отношений со стороны общества и государства также генерируются, соответственно, *эксклюзивные и экстрактивные социокультурные инновации «сверху»*. Очевидно, что эксклюзивные общественные формы имеют не только экономическое, но и общесоциологическое значение, утверждая, например, ценности гуманизма и добролюбия, уважительного отношения к творчеству и труду, доверия и справедливости и др., если речь идет о прогрессивном характере политэкономических отношений. При этом генерировать высокоэффективные эксклюзивные ценности может лишь гражданское общество, основанное на свободных индивидах и в этом своем качестве представляющее как «развернутая личность» (Хайек, 2011). Экстрактивные социокультурные инновации, воссоздаваемые государством, могут иметь двоякую природу. Во-первых, *демократическое (правовое) государство* («сдержанный Левиафан») (Шаститко, 2020), основанное одновременно на общественной форме собственности на одноименные блага, а также на защищенной частной форме собственности, единство которых обеспечивает реальный контроль государства со стороны личности и общества с целью «предупреждать и исправлять дурные последствия пристрастной и притеснительной политической экономии» (Смит, 2007, с. 635), использует властные полномочия для создания действительного «экстракта» из наиболее эффективных социокультурных форм, одновременно генерируемых и «снизу», и «сверху». В этом случае воссоздаются *созидательные экстрактивные социокультурные ценности*.

Во-вторых, *авторитарное (неправовое) государство* («деспотический Левиафан»), основанное на гипертрофии системы частной собственности (в форме власти-собственности, причем без конституирования личной и общественной формы собственности), а также «растворив» в себе личность и общество, воссоздает и имплантирует ценности, идеи и смыслы исключительно по «своему усмотрению», чаще всего в рамках интересов поиска «плохой», именно административной ренты (Левин и Сатаров, 2014). Очевидно, что здесь «пускают корни» в социум *деструктивные экстрактивные социокультурные ценности*. Разрушительный характер таких ценностей может существенно усилиться, если авторитарное государство становится импортером и проводником внешних, не связанных с традициями данного социума ценностей и институтов. Примером может служить отечественный импорт инволюционных

неолиберальных идей, «разъедающих» дух отечественной творчески-трудовой созидательности, что и приводит к подрыву цивилизационной безопасности нашей страны (Данилов-Данильян, 2009). Отметим, что именно государство является ключевым и системным игроком при отборе и внедрении тех или иных социокультурных форм в практику хозяйственных и в целом общественных отношений. Скорость и глубина внедрения даже социокультурных симулякров могут быть, как показала отечественная практика, весьма высокими, что напрямую зависит от жесткой последовательности, упрямой «имплантационной» настойчивости соответствующих государственных структур и их отдельных представителей.

В условиях демократического, правового государства социокультурные ценности, генерируемые со стороны частного сектора экономики (обмен-общение и обмен деятельностью в рамках, прежде всего, первичных хозяйственных звеньев) и предлагаемые общественным сектором хозяйства, где также существует множество форм обмена деятельностью, образуют специфическое социокультурное единство (метафорически его можно назвать «социокультурной плазмой»). В рамках данного единства или «плазмы» и осуществляется выявление действительно прогрессивных социокультурных инноваций, претендующих на роль будущих одноименных традиций, способных стать неэкономическими факторами высокоэффективного человеческого капитала. Естественно, что политэкономическая модель, основанная на свободной личности (имеется в виду не воинствующий индивидуализм с безудержной «свободой» без учета требований «необходимости», а динамическое равновесие двух данных явлений), в высокоразвитом гражданском обществе и правовом государстве вполне может рассматриваться как источник расширенного воссоздания социокультурных ценностей, релевантных требованиям обеспечения цивилизационной безопасности. Такая модель соответствует высокому уровню творчески-трудовой самореализации собственников человеческого капитала на всех уровнях политэкономических отношений, что сопровождается ростом уровня и особенно качества жизни домохозяйств и, следовательно, положительной динамикой коэффициента цивилизационной идентичности (КЦИ) и цивилизационного акселератора (ЦА). Подчеркнем, что устойчивая цивилизационная безопасность обеспечивается именно при условии органического единства инклюзивных, эксклюзивных и экстрактивных социокультурных инноваций (одновременно и «снизу», и «сверху»), находящихся в состоянии диалектического, а не антагонистического противоречия, причем в рамках общего вектора созидательного развития. Генезис социокультурных форм в рамках политэкономической модели и их влияние на цивилизационную безопасность показаны на рис. 1.

Приведенные выше рассуждения позволяют выявить основные формы взаимосвязи социокультурных традиций и инноваций, причем именно в контексте обеспечения цивилизационной безопасности. *Цивилизация находится в опасности*, если структуры власти и управления, в том числе на уровне предприятия, кластера, отрасли и т.д., блокируют прогрессивные социокультурные инновации, предлагаемые «снизу», и в результате социокультурные традиции не «подпитываются» творческой «свежестью» новых ценностей, отражающих, возможно, более высокий уровень технологической и производственной культуры. В конечном счете это приводит к ценностно-смысловой деструкции, цивилизационному кризису и разрушению одноименной безопасности, что и произошло в нашей стране к девяностым годам прошлого столетия, когда управленческий догматизм, основанный на идеологическом детерминизме, был непреодолимой преградой на пути масштабных технологических, организационных, институциональных и, следовательно, социокультурных инноваций (Глазьев, 2022). Цивилизационная целостность подвергается, как показала отечественная практика, еще большей опасности, если структуры власти, демонстрируя не меньший уровень догматизма и идеологического (неолиберального) детерминизма, имплантируют социокультурные формы «сверху», упрямо используя для этого импортные ценности, идеи и институты. В этом случае возникает конфронтация существующих социокультурных традиций и внедряемых неолиберальных «инноваций» (по сути, социокультурных симулякров), именно такая конфронтация с поражением традиций «в правах» имеет место в нашей стране сегодня.

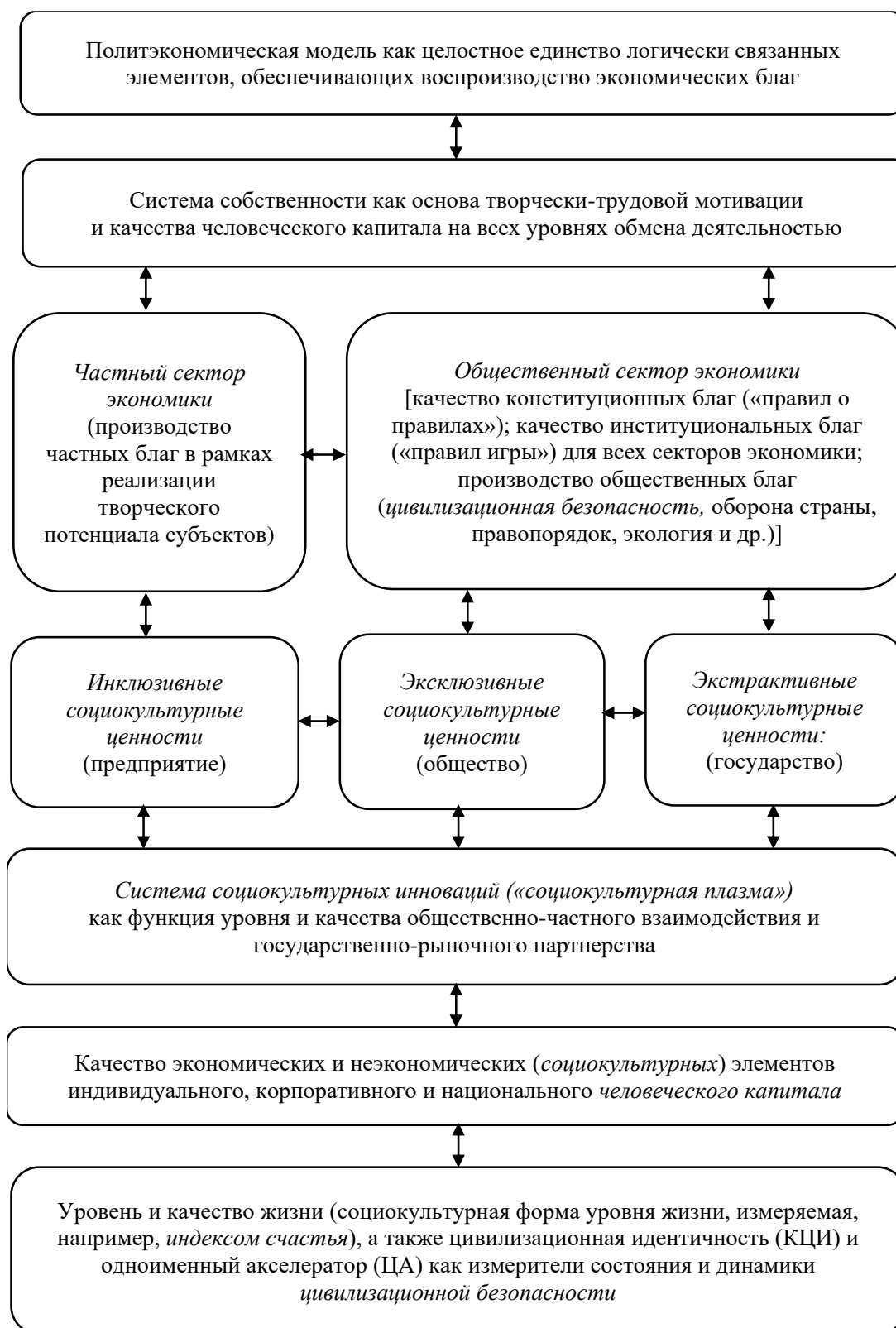

Рис. 1. / Fig. 1. Генезис социокультурных форм в рамках политэкономической модели и их влияние на цивилизационную безопасность / The Genesis of Socio-Cultural Forms within the Political Economy Model and Their Influence on Civilizational Security

Источник: / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Напротив, *цивилизационная безопасность надежно обеспечивается*, если социокультурные инновации не только когерентны социокультурным традициям, но и дополняют их конструктивный потенциал посредством диалектического отрицания. В результате воссоздается не механическая сумма традиций и инноваций, а *равновесная динамика социокультурных форм, где прежние традиции «в снятом» виде существуют в соответствующих инновациях, которые, в свою очередь, принимают форму прогрессивно модифицированных традиций*. Примером такого созидательного динамического равновесия традиций и инноваций является китайский вариант реформирования экономики, где «модернизация без вестернизации» была и остается когерентной традиционным ценностям конфуцианства. В отечественной истории такими примерами в некотором смысле были: отмена крепостного права (1861 год) и новая экономическая политика (НЭП в 20-х годах прошлого столетия).

С учетом предполагаемых перспектив исследования не только влияния системы политэкономических отношений (в форме определенной модели, всегда имеющей национальную специфику) на цивилизационную безопасность, но также и их взаимосвязь, представляется целесообразным использовать творческий потенциал *политэкономической теории общественного выбора*, особенно в части ее положений о конституционном договоре, расчете согласия, границ свободы и индивидуализма (Бьюкенен, 1997; Полтерович, 2021; Родрик, 2015; Хайек, 2011). Именно в рамках данной теории большое внимание уделяется *общественному сектору экономики* (по сути, предмету политической экономии), представленному производством «правил о правилах» (функция общественного конституционного договора), «правил игры» для всех субъектов деятельности (функция институционального предпринимательства общества и государства), а также множеством неинституциональных общественных благ, включая цивилизационную безопасность (рис. 1).

Важно также подчеркнуть, что в условиях системного нарастания сложности интеллектуально «обустроить» шестой технологический уклад и успешно найти свою нишу в рамках нового мирохозяйственного уклада, центр которого в настоящее время формируется в Юго-Восточной Азии (Глазьев, 2022), невозможно без мультипликативной актуализации роли неявного знания, воспроизводство которого осуществляется преимущественно в общественном, а не рыночном секторе хозяйства. При этом хорошо известно, что без качественного обновления системы расширенного воспроизводства неявного, именно фундаментального научного знания, дискуссия не только о креативной революции, но и о производстве обычных инноваций носит риторический характер. Здесь же следует отметить, что целевая функция любой политэкономической модели заключается не только в расширенном воссоздании общественного сектора хозяйства и национального человеческого капитала как интегрального фактора производства, но и в *обеспечении определенного уровня и качества жизни конкретных домохозяйств*, что является «тестом» на научно-практическую состоятельность данной модели, а также фиксирует ее воспроизводственный характер. Как отмечал великий А. Смит, «политическая экономия ... ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей» (Смит, 2007).

Заключение: императивы предполагаемого дискурса

Во-первых, политэкономические отношения являются системным и многосубъектным «генератором» инклюзивных (предприятия), эксклюзивных (общество) и экстрактивных (государство) социокультурных форм (действительных ценностей либо антиценностей – симулякров), оказывающих существенное влияние как положительное, так и негативное на качественную целостность цивилизационной безопасности, предстающей, в свою очередь, как системный функционал релевантного качества политэкономических отношений конкретной страны. При этом механизм заинтересованности соответствующих субъектов обмена-общения и обмена деятельностью в расширенном воссоздании требуемых социокультурных инноваций напрямую определяется легитимностью системы собственности, а также эффективностью защиты ее конкретных форм. Как следует из проведенного исследования, высокий уровень

генерации социокультурных инноваций одновременно «снизу» и «сверху», что является основанием высокой эффективности «социокультурной плазмы», а также обеспечение прогрессивной направленности общего динамического равновесия социокультурных традиций и одноименных инноваций *естественным образом требует конституирования и равенства «весов» системы личной, частной и общественной собственности.* Только в этом случае может формироваться такой потенциал творчески-трудовой деятельности субъектов политэкономических отношений, который будет основан не только на разумной рациональности, но и на высокой нравственности, на высших смыслах человеческого бытия.

Цивилизационная безопасность всегда будет находиться под угрозой, если политэкономические отношения не смогут воссоздавать высокоэффективную «социокультурную плазму», которая всегда представляет собой в конечном счете интегральный функционал определенного уровня легитимности и «работоспособности» всех форм собственности. Очевидно, что затянувшийся отечественный цивилизационный кризис обусловлен, в том числе гипертрофией то общей (без частной), то частной (без общей) системы собственности. Вывод очевиден, хотя и не лишен оснований для дискуссии: разработка инновационной политэкономической модели, релевантной требованиям обеспечения цивилизационной безопасности нашей страны, является важнейшей и перспективной научно-практической задачей, успешное решение которой едва ли представляется возможным без существенного обновления конституционных «правил о правилах», где должны быть четко зафиксированы личная, частная и общественная формы собственности. Динамическое и диалектическое единство этих форм является онтологическим политэкономическим основанием высококачественных, одновременно инклюзивных, эксклюзивных и экстрактивных социокультурных инноваций.

Во-вторых, важнейшим субъектом обеспечения цивилизационной безопасности как специфического общественного блага является государство, обладающее властными полномочиями в сфере организации воспроизводства либо созидательных (демократическое государство), либо деструктивных (авторитарное государство) социокультурных форм в рамках существующих политэкономических отношений. Учитывая негативные социально-экономические последствия импорта западных неолиберальных идей и институтов, *политэкономическое импортозамещение, требующее соответствующего государственного вмешательства, может претендовать на статус критически значимого фактора обеспечения цивилизационной безопасности современной России.* В связи с этим очередной научно-практической задачей является разработка и реализация модели российского правового государства, призванного и способного обеспечить прогрессивную направленность динамического взаимодействия социокультурных инноваций и социокультурных традиций при органическом единстве их инклюзивных, эксклюзивных и экстрактивных форм. Очевидно, что в решении данной творческой задачи вполне возможен «ренессанс» теории общественного выбора, где исследуется механизм становления демократического («правозаконного») государства (Бьюкенен, 1997).

В-третьих, исходя из растущей значимости социокультурных инноваций «снизу», а также требований, предъявляемых шестым технологическим укладом к системе неявного знания как источника масштабных и радикальных, в том числе и социокультурных инноваций, критически значимой видится научно-практическая задача качественного обновления индивидуалистического концепта в современной политической экономии. Становится очевидным, что *неолиберальный воинствующий индивидуализм должен уступить место методологическому социоиндивидуализму, суть которого заключается в органическом единстве творчески-трудового бытия личности одновременно как индивида и как члена социума* (Хайек, 2011). При этом известно, что экономисты давно «изучают действия индивидуумов, но изучают их в свете не столько индивидуальной, сколько общественной жизни» (Маршалл, 2008, с. 78). Очевидно, что концепт социоиндивидуализма является одновременно «ренессансным» и релевантным методологическим основанием не только для высокоэффективной генерации социокультурных инноваций и институтов сразу и «снизу», и «сверху», но и для успешного позиционирования общественно-частной (государственно-рыночной) политэкономической модели развития нашей страны, вполне соответствующей

императивам становления нового мирохозяйственного уклада (Глазьев, 2022). Однако подчеркнем, что методологический социоиндивидуализм, заключающий в себе потенциал разработки новой научной парадигмы, требует существенного междисциплинарного обоснования и, следовательно, пристального исследовательского внимания.

В-четвертых, исходя из органического единства политэкономических отношений (в рамках одноименной модели) и цивилизационной безопасности, можно заключить, что *системным аттрактором обоих феноменов является общий конечный результат в форме уровня и качества жизни личности и социума*. С одной стороны, ожидаемый домохозяйствами уровень и предполагаемое качество жизни не только укрепляют, но и повышают показатели их цивилизационной идентичности (растет коэффициент цивилизационной идентичности), с другой стороны, рост не только числовых значений, но также интенсивности данной идентичности (растет значение цивилизационного акселератора) способствует дальнейшей актуализации творчески-трудовых интенций собственников человеческого капитала, нацеливая их на ускоренное саморазвитие и еще большую отдачу в создании корпоративной и общественной добавленной стоимости. При этом государство призвано обеспечить общий поступательный вектор развития политэкономических отношений, чтобы избежать попадания в «ловушку» второго или даже третьего типа цивилизационной опасности.

Очевидно, что названный аттрактор, являясь целевой функцией одновременно политэкономической модели и цивилизационной безопасности страны, должен обладать имманентным потенциалом созидательности. Поиск именно такой формы названного аттрактора является важнейшей научно-практической задачей, решение которой позволит осуществить надежную «сцепку» цивилизационной безопасности с релевантным политэкономическим конструктом, обеспечивающим действительный общественный прогресс. В первом приближении резонно предположить, что таким аттрактором вполне может быть феномен *достойной жизни личности* одновременно как уникального индивида и как члена общества.

Литература / References

1. Алексеев, А.П., Васильев, Г.Г. и др. (2007), *Краткий философский словарь*, под ред. Алексеева А.П., 2-е изд., Проспект, М., 496 с. [Alekseev, A.P., Vasiliev, G.G. et al. (2007), *Concise Philosophical Dictionary*, in Alekseev A.P. (ed.), 2nd ed., Prospekt, Moscow, 496 p.].

2. Антипина, О.Н. и Кривицкая, А.Д. (2022), “Экономика и счастье в России: эмпирический анализ”, *Вопросы экономики*, № 8, с. 48-68. [Antipina, O.N. and Krivitskaya, A.D. (2022), “Economics and Happiness in Russia: An Empirical Analysis”, *Questions of Economics*, no. 8, pp. 48-68].

3. Асланов, Л.А. (2009), *Менталитет и власть. Русская цивилизация*, Кн. 1.: Основы теории. Начало Руси. Московское царство, ТЕИС, Москва, 557 с. [Aslanov, L.A. (2009), *Mentality and power. Russian civilization*, Book. 1.: Fundamentals of theory. Beginning of Rus'. Moscow kingdom, TEIS, Moscow, 557 p.].

4. Аузан, А.А., Бахтигараева, А.И., Брызгалин, В.А., Золотов, А.В., Никишина, Е.Н., Припузова, Н.А. и Ставинская, А.А. (2020), “Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка”, *Вопросы экономики*, № 7, с. 75-92. [Auzan, A.A., Bakhtigaraeva, A.I., Bryzgalin, V.A., Zolotov, A.V., Nikishina, E.N., Pripuzova, N.A. and Stavinskaya, A.A. (2020), “Socio-cultural factors in the economy: milestones passed and the current agenda”, *Questions of Economics*, no. 7, pp. 75-92].

5. Бахтигараева, А.И. и Ставинская, А.А. (2020), “Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи”, *Вопросы экономики*, № 7, с. 92-108. [Bakhtigaraeva, A.I. and Stavinskaya, A.A. (2020), “Can trust become a factor in economic growth? Dynamics of the level of trust among Russian youth”, *Questions of Economics*, no. 7, pp. 92-108].

6. Брокгауз, Ф.А. и Ефрон, И.А. (2005), *Энциклопедический словарь. Современная версия*, Эксмо, М., 672 с. [Brockhaus, F.A. and Efron, I.A. (2005), *Encyclopedic Dictionary. Modern version*, Eksmo, M., 672 p.].

7. Бузгалин, А.В. (2018), “Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса)”, *Вопросы экономики*, № 2, с. 122-142. [Buzgalin, A.V. (2018), “The Decline of Neoliberalism (on the 200th Anniversary of the Birth of Karl Marx)”, *Questions of Economics*, no. 2, pp. 122-142].
8. Валлерстайн, Иммануил (2020), *Анализ мировых систем*, УРСС: ЛЕНАНД, М., 400 с. [Wallerstein, Immanuel (2020), *World Systems Analysis*, URSS: LENAND, M., 400 p.].
9. Ведин, Н.В. (2006), *Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества*, НПК «РОСТ», СПб., 218 с. [Vedin, N.V. (2006), *Economic heterogeneity of exchange in the economic evolution of society*, NPK «ROST», St. Petersburg, 218 p.].
10. Велижев, М.Б. (2019), *Цивилизация, или Война миров*, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, СПб., 160 с. [Velizhev, M.B. (2019), *Civilization, or the War of the Worlds*, European University Press at St. Petersburg, St. Petersburg, 160 p.].
11. Гегель, Г.В.Ф. (1971), *Наука логики*, в 3-х т., т. 2., «Мысль», М., 248 с. [Hegel, G.W.F. (1971), *The Science of Logic*, in 3 volumes, vol. 2, «Thought», M., 248 p.].
12. Гегель, Г.В.Ф. (1990), *Философия права*, «Мысль», М., 524 с. [Hegel, G.W.F. (1990), *Philosophy of Law*, «Thought», M., 524 p.].
13. Гимпельсон, В. (2016), “Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений”, *Вопросы экономики*, № 10, с. 129-143. [Gimpelson, V. (2016), “Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts”, *Questions of Economics*, no. 10, pp. 129-143].
14. Глазьев, С.Ю. (2022), *За горизонтом конца истории: Монография*, Проспект, М., 416 с. [Glazyev, S.Yu. (2022), *Beyond the horizon of the end of history: Monograph*, Prospekt, M., 416 p.].
15. Гофман, А.Б. и др. (2008), *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики: Монография*, Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), М., 568 с. [Hoffman, A.B. et al. (2008), *Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics: Monograph*, Russian Political Encyclopedia (ROSPEN), M., 568 p.].
16. Данилевский, Н.Я. (2008), *Россия и Европа*, ТЕРРА-Книжный клуб, М., 704 с. [Danilevsky, N.Ya. (2008), *Russia and Europe*, TERRA-Book Club, M., 704 p.].
17. Данилов-Данильян, В. (2009), “Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике”, *Вопросы экономики*, № 7, с. 31-41. [Danilov-Danilyan, V. (2009), “Global crisis as a consequence of structural shifts in the economy”, *Questions of Economics*, no. 7, pp. 31-41].
18. Бьюкенен, Джеймс М. (1997), *Сочинения*, пер. с англ., Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике», т. 1, «Тaurus Альфа», М., 560 с. [Buchanan, James M. (1997), *Works*, trans. from English, Series: «Nobel Laureates in Economics», vol. 1, «Taurus Alpha», M., 560 p.].
19. Дудин, М.Н., Шкодинский, С.В. и Усманов, Д.И. (2021), “Эволюция научной дефиниции «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф)”, *Проблемы рыночной экономики*, № 3, с. 28-46, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-28-46>. [Dudin, M.N., Shkodinsky, S.V. and Usmanov, D.I. (2021), “Evolution of the scientific definition of «economic sovereignty of the state» in the classical and recent theories of crises (catastrophes)”, *Market economy problems*, no. 3, pp. 28-46, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-28-46>].
20. Ильин, И.А. (2004), *Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, док. и оценках рус. мыслителей и исследователей. Антология*, Серия «Русский путь», Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, СПб., 896 с. [Ilyin, I.A. (2004), *Pro et contra. The personality and creativity of Ivan Ilyin in the memoirs, doc. and assessments of Russian thinkers and researchers. Anthology, Series «Russian way»*, Publishing house of Rus. Christians humanitarian in-ta, St. Petersburg, 896 p.].
21. Клейнер, Г.Б. (2022), “Социальное лидерство, расщепление власти и инклюзивное управление организацией”, *Вопросы экономики*, № 4, с. 26-44. [Kleiner, G.B. (2022), “Social leadership, splitting of power and inclusive management of the organization”, *Questions of Economics*, no. 4, pp. 26-44].

22. Левин, М. и Сатаров, Г. (2014), “Рентоориентированная Россия”, *Вопросы экономики*, № 1, с. 60-77. [Levin, M. and Satarov, G. (2014), “Rent-oriented Russia”, *Questions of Economics*, no. 1, pp. 60-77].
23. Макаров, В.Л. и Клейнер, Г.Б. (2007), *Микроэкономика знаний*, ЗАО «Издательство «Экономика», М., 204 с. [Makarov, V.L. and Kleiner, G.B. (2007), *Microeconomics of knowledge*, ЗАО «Publishing House «Economics», M., 204 p.].
24. Маршалл, А. (2008), *Основы экономической науки*, Эксмо, М., 832 с. [Marshall, A. (2008), *Fundamentals of economic science*, Eksmo, M., 832 p.].
25. Полани, М. (2013), *Личностное знание*, Книга по требованию, М., 342 с. [Polanyi, M. (2013), *Personal knowledge*, Book on demand, M., 342 p.].
26. Полтерович, В.М. (2021), “Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия”, *Вопросы экономики*, № 1, с. 52-72. [Polterovich, V.M. (2021), “The Crisis of Institutions of Political Competition, the Internet and Collaborative Democracy”, *Questions of Economics*, no. 1, pp. 52-72].
27. Родрик, Д. (2015), “Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике”, *Вопросы экономики*, № 1, с. 22-44. [Rodrik, D. (2015), “When ideas are more important than interests: preferences, world views and innovations in economic policy”, *Questions of Economics*, no. 1, pp. 22-44].
28. Смит, А. (2007), *Исследование о природе и причинах богатства народов*, Эксмо, М., 960 с. [Smith, A. (2007), *Research on the nature and causes of the wealth of nations*, Eksmo, M., 960 p.].
29. Соловьев, В. (1999), *Философское начало цельного знания*, Харвест, Минск, 912 с. [Solovyov, V. (1999), *The philosophical beginning of integral knowledge*, Harvest, Minsk, 912 p.].
30. Сорокин, П.А. (2008), *Система социологии*, Астрель, М., 1008 с. [Sorokin, P.A. (2008), *System of sociology*, Astrel, M., 1008 p.].
31. Хайек, Фридрих А. (2011), *Индивидуализм и экономический порядок*, пер. с англ. О.А. Дмитриевой, под ред. Р.И. Капелюшникова, Социум, Челябинск, 392 с. [Hayek, Friedrich A. (2011), *Individualism and Economic Order*, trans. from English. O.A. Dmitrieva, ed. by R.I. Kapelyushnikov (ed.), Socium, Chelyabinsk, 392 p.]
32. Хантингтон, Самюэль (2020), *Столкновение цивилизаций*, Издательство АСТ, М., 640 с. [Huntington, Samuel (2020), *Clash of civilizations*, AST Publishing House, M., 640 p.].
33. Цветков, В.А. и Дудин, М.Н. (2020), “Сценарии развития глобальной экономики и основных центров экономического притяжения после окончания пандемии COVID-19 (OECD, BRICS, ASEAN, Лига арабских государств)”, *Проблемы рыночной экономики*, № 2, с. 6-22, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-2-6-22>. [Tsvetkov, V.A. and Dudin, M.N. (2020), “Scenarios for the development of the global economy and major centers of economic attraction after the end of the COVID-19 pandemic (OECD, BRICS, ASEAN, League of Arab States)”, *Market economy problems*, no. 2, pp. 6-22, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-2-6-22>].
34. Цветков, В.А. (2020), “Основные макроэкономические показатели РФ по итогам 2019 года”, *Проблемы рыночной экономики*, № 1, с. 5-24, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-1-5-24>. [Tsvetkov, V.A. (2020), “Main macroeconomic indicators of the Russian Federation at the end of 2019”, *Market economy problems*, no. 1, pp. 5-24, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-1-5-24>].
35. Цветков, В.А. (2021), “Социально-экономические итоги развития России в 2020 году: динамика ключевых показателей и перспективы развития”, *Проблемы рыночной экономики*, № 1, с. 6-23, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-1-6-23>. [Tsvetkov, V.A. (2021), “Socio-economic results of Russia's development in 2020: dynamics of key indicators and development prospects”, *Market economy problems*, no. 1, pp. 6-23, DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-1-6-23>].
36. Шаститко, А.Е. (2020), “Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы)”, *Вопросы экономики*, № 1, с. 145-156. [Shastitko, A.E. (2020), “Between the Scylla of Despotism and the Charybdis of Social Norms (About the book by D. Acemoglu and J. Robinson

«The Narrow Corridor: States, Societies and the Fate of Freedom»», *Questions of Economics*, no. 1, pp. 145-156].

37. Шваб, Клаус (2022), *Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики*, Эксмо, М., 352 с. [Schwab, Klaus (2022), *Capitalism of the common good. A new model of the world economy*, Эксмо, М., 352 p.].

38. Шумпетер, Й.А. (2007), *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*, Эксмо, М., 864 с. [Schumpeter, J.A. (2007), *Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*, Эксмо, М., 864 p.]

Об авторах

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Салихова Ирина Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва; профессор кафедры финансового учета Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва.

About authors

Boris V. Salikhov, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

Irina S. Salikhova, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow; Professor, Department of Financial Accounting, Moscow University named after S.Y. Witte, Moscow.